

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФРАСТРУКТУР И ПРАКТИК РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМСКИХ ЗНАНИЙ: КЕЙС МУСУЛЬМАНСКОГО СООБЩЕСТВА Г. БОР НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Александр Алексеевич Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
20 Мясницкая ул., Москва, Россия
Saov1612@yandex.ru

Аннотация: В публикации прослеживается история рождения и материализации инфраструктурных идей, которые способствовали распространению исламских знаний в мусульманском сообществе г. Бор Нижегородской области в период с 1930-х до начала 2020-х гг. Исследуется, как инфраструктура влияет на практики распространения исламских знаний в локальном сообществе и как в процессе создания инфраструктуры меняется само сообщество. На основе полевых и архивных материалов автор показывает, каким образом идеи о возведении мечети, непосредственный процесс ее строительства и последующее использование меняли практики распространения исламских знаний и характеристики мусульманского сообщества. Эти изменения обострили вопросы властных отношений и норм поведения внутри сообщества. Одновременно с этим рождались новые мысли о дальнейшем развитии сообщества, идеи новой инфраструктуры, способов распространения исламских знаний и формирования мусульманской личности. Татарское сообщество, инициировавшее и организовавшее строительство мечети, утратило над ней контроль, и она превратилось в публичное городское пространство, источник знаний об исламе, доступных любому мусульманину города.

Ключевые слова: ислам, исламские знания, инфраструктура, мечеть, религиозные практики.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90013.

Для ссылок: Орехов А. Эволюция инфраструктур и практик распространения исламских знаний: кейс мусульманского сообщества г. Бор Нижегородской области // Антропологический форум. 2023. № 59. С. 155–170.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-155-170

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/059/orekhov.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2023, NO. 59

THE EVOLUTION OF INFRASTRUCTURES AND PRACTICES FOR THE DISSEMINATION OF ISLAMIC KNOWLEDGE: THE CASE OF THE MUSLIM COMMUNITY OF THE TOWN OF BOR, NIZHNY NOVGOROD REGION

Alexander Orekhov

HSE University
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russia
Saov1612@yandex.ru

Abstract: The paper investigates the process of the genesis and establishment of infrastructural ideas that contribute to the dissemination of Islamic knowledge in the local Muslim community in the town of Bor, Nizhny Novgorod region in the period of the 1930s — early 2020s. The author analyzes how the infrastructure affects the practices of spreading Islamic knowledge in the local Islamic community and how the local Muslim community changes in the period of creation of infrastructure. The paper focuses on exploring the infrastructures for spreading Islamic knowledge in the Soviet and post-Soviet periods of the community's life. The study is based on ethnographic material, interviews and archival materials, and presents how the creation of infrastructures changed the practices of spreading Islamic knowledge and the configuration of the local Muslim community. These changes exacerbated issues of power relations and the identifying of behaviour patterns within the community. Simultaneously new ideas were born within the community about community development, new infrastructure for disseminating Islamic knowledge and the formation of Muslim personalities. The Tatar community who initiated and organized the building of the Mosque has lost control over it, and it has become part of urban public space, a source of Islamic knowledge available to any Muslim in the town of Bor.

Keywords: Islam, Islamic knowledge, infrastructure, mosque, religious practices.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-39-90013.

To cite: Orekhov A., 'Evolyutsiya infrastruktur i praktik rasprostraneniya islamskikh znaniy: keys musulmanskogo soobshchestva g. Bor Nizhegorodskoy oblasti' [The Evolution of Infrastructures and Practices for the Dissemination of Islamic Knowledge: The Case of the Muslim Community of the Town of Bor, Nizhny Novgorod Region], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 59, pp. 155–170.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-155-170

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/059/orekhov.pdf>

Александр Орехов

Эволюция инфраструктур и практик распространения исламских знаний: кейс мусульманского сообщества г. Бор Нижегородской области

В публикации прослеживается история рождения и материализации инфраструктурных идей, которые способствовали распространению исламских знаний в мусульманском сообществе г. Бор Нижегородской области в период с 1930-х до начала 2020-х гг. Исследуется, как инфраструктура влияет на практики распространения исламских знаний в локальном сообществе и как в процессе создания инфраструктуры меняется само сообщество. На основе полевых и архивных материалов автор показывает, каким образом идеи о возведении мечети, непосредственный процесс ее строительства и последующее использование меняли практики распространения исламских знаний и характеристики мусульманского сообщества. Эти изменения обострили вопросы властных отношений и норм поведения внутри сообщества. Одновременно с этим рождались новые мысли о дальнейшем развитии сообщества, идеи новой инфраструктуры, способов распространения исламских знаний и формирования мусульманской личности. Татарское сообщество, инициировавшее и организовавшее строительство мечети, утратило над ней контроль, и она превратилось в публичное городское пространство, источник знаний об исламе, доступных любому мусульманину города.

Ключевые слова: ислам, исламские знания, инфраструктура, мечеть, религиозные практики.

Введение

Конец мая каждого года — пора выпускных праздников у российских учащихся. К 9:00 я ехал на выпускной мактаба «Ислам» (воскресной исламской школы) при Соборной мечети г. Бор Нижегородской области. Мероприятие проходило в здании мечети. Учащиеся, их родители, учителя мактаба собрались в большом зале на втором этаже, где обычно имам возглавляет джума-намаз (пятничный коллективный намаз). Всего собралось около 50 человек. К закончившим 4-й курс особое отношение: их провожают из мактаба, так как они завершили обучение, теперь перед ними открываются новые возможности для получения исламских знаний и участия в жизни мусульманского сообщества.

Имам мечети Касым хазрат Мусин, учителя мактаба (сначала старшие по возрасту, потом младшие) произносили поздравительные речи. Это были слова наставлений о важности дальнейшего получения исламских знаний (*ильм*), о необходимости быть бого-

Александр Алексеевич Орехов
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
Saov1612@yandex.ru

боязненным и осторожным, чтобы не запятнать своим поведением честь мусульманина. Формат выступлений, когда учителя говорили учащимся о значимости полученных ими знаний, внешне напоминал выпускной в российской государственной школе. Однако сами речи о правильном пути мусульманина, подкрепленные соответствующими цитатами, погружали присутствовавших в исламский контекст.

Ассаламу алейгим, дорогие ученики! Альхамдулиля, незаметно подошел еще один выпускной, хвала Аллаху... Ильм! Знания на арабском языке — ильм. Многие ученые говорят о том, чтобы мы получали ильм. Что нам дает этот ильм? Имам аш-Шафии, рахимулла, говорил: если ты хочешь ахират¹, то есть попасть в рай, то получай ильм, получай знания. Если ты хочешь эту дунью, мирское, то получай ильм, знания. А если ты хочешь и дунья, этот мир, и ахират, то получай ильм, получай эти знания. В любом случае нужно получать ильм. Знающий человек, путь ему освящает сам Всевышний Аллах, который видит на самом деле дальше, чем все остальные...

Так говорил учитель мактаба Акрам (преподаватель чтения Корана), и его слушатели оказывались во времени и пространстве, которые формировала исламская эсхатология, исламская темпоральность. Эти исламские время и пространство существовали в тот момент не только в их сознании, но и на наяву. Помещение, где проходил выпускной, находится в комплексе зданий, включающем мечеть, мактаб и хозяйственный блок. Этот материальный мир, который обеспечил собравшимся на выпускной возможность делиться исламскими знаниями, жить в системе аксиологических координат, предлагаемой исламской эсхатологией, можно назвать религиозной инфраструктурой.

Мусульманское сообщество в этом городе, насколько известно, появилось в 1930-х гг. Строительство комплекса зданий Соборной мечети было окончено в 2015 г. В связи с этим возникает ряд вопросов: что служило инфраструктурой для распространения исламских знаний в мусульманском сообществе до возведения мечети? Каким образом появление новой инфраструктуры повлияло на практики распространения исламских знаний? Как изменилось само мусульманское сообщество в ходе строительства этой инфраструктуры? Кейс мусульманской общины г. Бор интересен тем, что у нее нет долгой истории, а до недавнего времени не было и культовых построек. Это сообще-

¹ Вероятно, здесь имелась в виду идея коранической проповеди о противопоставлении потустороннего вечного мира, куда душа человека попадает после воскресения из мертвых (дар ал-ахира), и земной жизни (хайят ад-дунья) [Ислам 1991: 27].

ство появилось и пополнялось в ходе миграций населения в советский и постсоветский периоды. На его примере можно проследить формирование инфраструктуры, ее влияние на практики распространения исламских знаний, а также на динамику изменения качественных и количественных характеристик самого мусульманского сообщества.

В ходе полевого исследования 2020–2022 гг. я проводил включенное наблюдение и интервьюирование. Моими собеседниками стали члены мусульманских сообществ г. Бор и Нижнего Новгорода, представители региональной мусульманской организации — Духовного управления мусульман Нижегородской области (далее — ДУМНО). Другим источником для изучения жизни религиозных сообществ в советский период стали материалы Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО).

Инфраструктура и практики распространения исламских знаний в советский период

По воспоминаниям старших представителей мусульманского сообщества, среди местных жителей мусульман не было. Они появились в рабочем поселке (а затем городе) Бор Горьковской области в 1930-х гг. (Инф. 1, жен. 1931 г.р.). Первыми мусульманами были татары — выходцы с юго-востока Горьковской области, из Татарской АССР. По рассказам, эти семьи были вынуждены бежать от раскулачивания, вызванных им конфликтов и ломки деревенской жизни.

В 1918–1920-х отец с двумя братьями месяц или пешком до Москвы [чтобы купить мануфактурные товары, например ткани] и месяц шли обратно, продавали ситцы, сатин. И так зарабатывали деньги. И на эти деньги [отец] построил дом, деревянный, что было раньше невозможно было строить. Там [в селе Ишеево Нижегородской области] деревья нет, или строили — кирпич привозили, ну опять деньги надо было везде <...>. Все три брата построили каждый по дому. А тут комсомольская, советская власть пришла. Там, значит, сказали: «Это кулаки, — как это их звали, — убивать надо их всех». <...> А в этой ячейке комсомольской была его [отца] племянница <...>. Она спасла его, приехала к нему в половину двенадцатого ночи, его прямо с постели взяла и увезла его в русскую деревню, в которой его как торговца хорошо знали (Инф. 1, жен. 1931 г.р.).

В города Горьковской области, в том числе в Бор, татары-мусульмане сначала приезжали на строительство предприятий, а затем чтобы на них работать. По словам информантов, эта миграция в Бор продолжалась до конца советского периода, с 1930-х по 1980-е гг. Самой распространенной причиной

переезда был заработок (более высокий, чем в сельской местности). Прежде всего ехали молодые мужчины, вернувшиеся из армии.

После армии я поехал в Узбекистан, потому что у нас в деревне паспорт не давали, за трудовни работали, денег не давали <...>. Женился там, сын там родился, и мы решили в 1969 году переехать обратно в Россию. У жены здесь на Бору жила тетка. И мы решили сюда переехать. Они [родственники] говорят: «Давайте, приезжайте, у нас стекольный завод есть». И я сюда приехал, устроился бульдозеристом, у нас леспромхоз был (Инф. 2, муж. 1940 г.р.).

Таким образом, мусульмане становились жителями г. Бор начиная с 1930-х гг. в ходе коллективизации, индустриализации и урбанизации. Переезд в город не означал разрыва связей с родным селом. Но и в городе складывалось свое татарско-мусульманское сообщество. Образованию и поддержанию связей способствовали обряды жизненного цикла, например *исем-кушу* (религиозный обряд имянаречения при рождении), *суннет* (обрезание мальчиков), *никях* (религиозное бракосочетание), *джаназа* (погребальная молитва) и поминки по случаю смерти, а также *мавлид* (праздник рождения Пророка Мухаммада). В ходе этих ритуалов читались суры Корана и проповеди, провозглашались *дуа* (молитвы). Местные татары отмечали праздники Ураза и Курбан байрам, проводили ифтары в месяц Рамадан. По всем этим случаям организовывались *меджлисы* (собрания верующих в частных домах). Марат Сафаров отмечает, что проведение меджлисов — признак прочных социальных связей в сообществе, поскольку каждый меджлис требует серьезной подготовки [Сафаров 2021] (см. также: [Сафаров 2012; Зарипов, Сафаров 2017: 70–71]).

Наиболее авторитетными людьми на таком собрании были организатор меджлиса и мулла (имам). Поскольку часть имамов (как правило, наиболее знающих) погибла в ходе репрессий 1930-х гг. [Сенюткина, Гусева 2013: 231], а мечети были закрыты и переоборудованы в другие объекты, муллами становились либо те, кто отучился в медресе до 1917 или в 1920-х гг., либо их младшие родственники, кому удалось почерпнуть знания у старших в личном порядке (Инф. 4, жен. 1950 г.р.).

Папина младшая сестра [1928 г.р.] учила до 1928 года Коран. Я, когда мне было 7–8 лет, пошел в первый класс. Букваря не было. А у нее были книжки мусульманские, и она давай меня учить, и я начал учиться читать. Спокойно читать на арабском начал. Она учила меня с 1 по 7 класс, а потом я стал работать, гулять, армия — стало некогда, все забылось <...>. Когда уже религия пошла вперед, я здесь [после переезда в Бор

в 1970 г.] *почитал Коран, меня тут сразу взяли — давай бери, читай...* (Инф. 3, муж. 1938 г.р.).

В результате того что в 1930-е гг. публичная религиозная деятельность оказалась под запретом, основными мероприятиями по сохранению и передаче исламских знаний, формированию личности мусульманина стали меджлисы в частных домах. Сафаров, опираясь на свои полевые исследования, говорит об особой сакральности, которая создавалась меджлисом. Он иллюстрирует это примером, когда советские женщины, не практиковавшие религиозные обряды, надевали платки, прежде чем зайти в помещение, где проводился меджлис [Сафаров 2021].

В ходе меджлиса, например по случаю поминок по умершему, приглашенный имам произносил *хутбу* (проповедь) о жизни и смерти, читал суры Корана. Здесь целесообразно обратить внимание на инфраструктуру религиозных мероприятий, применив оптику Брайена Ларкина. Ларкин анализирует подходы к изучению инфраструктуры как системы, которая облегчает движение потока товаров, людей или идей и позволяет обмениваться ими в пространстве. По мысли Ларкина, объекты инфраструктуры могут раскрываться не только со стороны их технического функционирования, но и как носители семиотических и эстетических смыслов, оказывающих воздействие на их пользователей. Инфраструктура влияет на людей на уровне фантазии и желания и тем самым формирует их как субъектов через мобилизацию чувств и эмоций. Ларкин предлагает рассматривать инфраструктуру как речевой акт и выделять поэтический модус такого высказывания, вследствие чего форма инфраструктуры может быть отделена от ее технической функции. Инфраструктура может выполнять технические функции (перемещать транспорт, воду или электричество) и одновременно с этим связывать людей и вещи в сложные гетерогенные системы и осуществлять власть над ними. Таким образом, можно увидеть перестройку иерархии функций инфраструктуры как речевого высказывания и преобладание эстетического измерения инфраструктуры над техническим. Ларкин указывает на множество способов анализировать объекты инфраструктуры. Согласно одному из них, инфраструктура — это социальная система, на которую люди могут полагаться во всех видах социальной, экономической и политической деятельности [Larkin 2013: 334–336].

Исходя из этого можно выделить материальную и «нематериальную» инфраструктуру религиозных мероприятий. Материальной инфраструктурой в этом случае оказываются частные дома и квартиры татар-мусульман, а «нематериальной» — то, что способствовало собранию участников: сеть личных контак-

тов людей, задействованных в организации и проведении мероприятия (от определения лиц для приглашения на меджлис и способов передачи им приглашений до приготовления угощения, встречи и рассадки гостей). Как видно из материалов биографических интервью, роль «нематериальной инфраструктуры» играли прежде всего люди, жизнь которых строилась на идее сохранения и передачи другим исламского знания (что особенно актуально в условиях советского времени).

Соб.: *Вы, когда стали имамом, что главное было в этой работе?*
Инф.: *<...> людям помогать, которые приходят. [Помогал] успокоиться людям. Мулла приходит к человеку, говорит: «Мы все уйдем из этой жизни, давай молиться, чтобы Бог принял его дух <...>. Давай будем просить прощения о его грехах от момента [рождения] до сырой земли. Сколько они греха наделали, а человек успокаивается (Инф. 3, муж. 1938 г.р.).*

Предположительно одной из ключевых идей в мусульманском сообществе г. Бор было строительство мечети, т.е. создание материальной инфраструктуры. По словам имама мечети г. Бор, ему рассказывали, что во время Великой Отечественной войны мулла Хэжетлислам Абзалов пробовал добиться от администрации города открытия молельного дома (К. Мусин, 1969 г.р.). Вероятно, сама возможность поднять этот вопрос была связана со стремлением советской власти мобилизовать общественные силы для победы [Гусева 2013: 294]. О роли мечети в передаче исламских знаний, опираясь на полевые исследования в Кыргызстане, пишет Янти Хельцхен: ильм, будучи основанным на богословских источниках, в то же время является формой воплощенного знания, поскольку исламские знания укоренены в повседневных телесных действиях и возникают из них. Ильм квалифицируется как этическое знание, которое становится значимым благодаря телесным и эмоциональным переживаниям. Для доступа к ильму требуется особая инфраструктура, которая может заставить это знание «расти», после того как оно было «утрачено» в результате десятилетий антирелигиозной борьбы и атеистической пропаганды [Hoelzchen 2022: 371–373].

Архивные материалы фиксируют рост в 1970–1980-е гг. числа граждан, практиковавших религиозные обряды, незарегистрированных религиозных организаций, а также заинтересованность в возрождении культовых объектов на территории СССР, в том числе в Горьковской области [ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 3772; Оп. 18. Д. 271; 273]. Это позволяет предположить, что участники религиозного сообщества г. Бор могли сохранить идею об открытии молельного дома до позднесоветского времени. Со второй половины 1980-х гг. стремления верующих

начали реализовываться. Например, в 1988 г. мусульманской религиозной организации Горького (Нижегородского) было передано построенное в 1915 г. здание соборной мечети, и началась его реконструкция [Мухетдинов 2015: 67–68].

Инфраструктура и практики распространения исламских знаний в постсоветский период

Распад СССР устранил политические препятствия для возникновения материальной религиозной инфраструктуры. Однако для ее создания от членов локальных религиозных сообществ требовались воля к действию, усилия, материальные средства и сети контактов, объединявших как местных жителей, так и приезжих. Сообщество мусульман г. Бор начало воплощать свою идею о строительстве молельного дома-мечети в начале 2000-х гг. Эту возможность обеспечили социальные связи не только внутри мусульманского сообщества, но и вне его: с соседями, коллегами, представителями городской администрации и других структур, т.е. с теми, с кем пересекались пути благодаря месту жительства или работе в одних экономических, профессиональных и конфессиональных сферах. Подобную работу социальных сетей рассматривали в своих полевых исследованиях Абдумалик Симон и Бенджамин Кирби.

Симон в противовес представлениям об инфраструктуре как о чем-то исключительно материальном, связанном с системами обеспечения жизни (дорогами, электросетями, отоплением), описывает в качестве инфраструктуры Йоханнесбурга (ЮАР) человеческое взаимодействие, а именно экономическое сотрудничество между жителями, которые оказались маргинализированы и разорены городской жизнью. Он рисует африканские города наполненными гибким, мобильным и временным взаимодействием горожан, у которых нет четких представлений о том, как город должен быть заселен и использован. Вместе с тем результативность взаимодействия горожан зависит от их способности использовать городские объекты, пространства, других людей и их практики. Сети, соединяющие горожан друг с другом и с городскими пространствами, становятся инфраструктурой — платформой для их агентности, которая проявляется в уровне предпринимательской деятельности и росте благосостояния, что в конечном итоге способствует воспроизведению городской жизни [Simone 2004: 419–423].

Кирби описывает работу человеческих сетей как инфраструктуру на примере взаимодействия неформальных предпринимателей-мусульман в районе Кариаку города Дар-эс-Салам (Танзания). Говоря о мужском головном уборе *kofia* и свободной длинной рубашке *kanzu*, которые позиционируют человека как

мусульманина, Кирби показывает, что эти вещи позволяют горожанам минимально узнавать друг друга, создавая основу для контакта и соприсутствия с другими людьми, не влекущую устойчивых взаимных обязательств. Вместе с тем такая одежда может становиться знаком, позволяющим приблизиться к незнакомцу и создающим поле для возможных социальных и материальных взаимодействий. Так, мелкие торговцы и предприниматели Кариаку считают по одежде и характерному приветствию (*салам алейкум*) принадлежность к исламу, и это в равной степени может или обеспечить коммуникацию, дающую выгоду или краткое ощущение солидарности (например, в присутствии сотрудников полиции), или не повлечь никаких взаимных действий и обязательств [Kirby 2020: 556–578].

Подобные взаимодействия позволили мусульманскому сообществу г. Бор возвести мечеть. Инициатором строительства стала местная жительница Рахима Файзрахманова. Можно предположить, что этому способствовали следующие обстоятельства. Файзрахманова принимала активное участие в жизни сообщества, например входила в группу женщин, которые занимались подготовкой к похоронам (совершали омовение и облачение в саван умерших) и проведением джаназа в случае смерти женщин-мусульманок. Дом Файзрахмановой и ее сестер стал одним из мест сбора на коллективные пятничные намазы. Одновременно с этим с 1985 г. Файзрахманова была председателем уличного комитета — органа местного самоуправления на территории города с домами индивидуальной застройки. Председателей уличных комитетов выбирали члены соседского сообщества, в их функции входили контроль за благоустройством и содержанием домов и дворов и оказание помощи органам местной власти во время мероприятий, которые затрагивали зону ответственности уличного комитета. Исходя из этого можно предположить, что, будучи активным членом мусульманского сообщества, обладая авторитетом у соседей и знакомствами с должностными лицами г. Бор, имея опыт и организационные способности, Файзрахманова инициировала строительство мечети (Р. Файзрахманова, 1938 г.р.; Инф. 4, жен. 1950 г.р.).

В разговоре со мной участники этих событий много рассказывали о людях, которые внесли вклад в строительство. Это говорит о том, что в их глазах мечеть обладает высокой ценностью для сообщества. По словам информантов, она обеспечивала усвоение и передачу исламских знаний, что препятствовало ассимиляции татар русским населением и способствовало сохранению этнической группы. Участие в строительстве мечети в среде татар-мусульман понималось как индивидуальный вклад в поддержание мусульманского образа жизни сообщества.

В эссе о политике и поэтике инфраструктуры, приводя в пример строительство автомобильных и железных дорог, государственные космические программы и пр., Ларкин утверждал, что инфраструктура — это не только объекты, выполняющие технические функции, она также способна пробуждать в людях эмоции, фантазии, желания относительно их будущего: «[Объекты инфраструктуры] кодируют мечты отдельных людей и обществ и служат средством, с помощью которого эти фантазии воплощаются и становятся эмоционально реальными» [Larkin 2013: 333]. Подобным образом для мусульманского сообщества г. Бор мечеть была актуальна не только как здание, где удобно собираться на молитву. Более важным оказалось ее значение как символа желаемого будущего для членов сообщества, которое они стремились воплотить в жизнь.

Строительство мечети потребовало мобилизации татарского мусульманского сообщества по привлечению трудовых и материальных ресурсов. Важную роль здесь играли контакты активистов со спонсорами, которые либо напрямую давали деньги на строительство, либо оплачивали счета, выставленные при покупке строительных материалов. Примечательно, что в качестве доноров выступали как сами члены местного сообщества, так и их родственники — не мусульмане, а также мусульмане-предприниматели, не жившие в г. Бор. Например, финансовую помощь оказали граждане Турции — собственники предприятия, разместившегося в части цехов бывшего Борского стекольного завода (Х. Исхаков, 1952 г.р.).

Процесс оформления необходимой документации, согласования с администрацией г. Бор участка земли и непосредственно строительства занял около 12 лет. К 2015 г. комплекс зданий мечети был возведен и открыт, материализация идеи состоялась. Интересно, как вслед за этим преобразовались само мусульманское сообщество и практики распространения исламских знаний.

Трансформация мусульманского сообщества и изменение практик распространения исламских знаний

Хусаин Исхаков — предприниматель, ставший главным организатором строительства мечети и формирования местной религиозной организации мусульман (МРОМ) в начале 2000-х гг., в интервью со мной рассказывал, что по его представлениям строящаяся мечеть должна была выполнять две основных функции: быть местом для молитвы и предоставлять пространство для проведения джаназа по случаю смерти членов сообщества (а также быть местом хранения соответствующего инвентаря) (Х. Исхаков, 1952 г.р.). Кроме того, мечеть должна была стать

татаро-мусульманским культурным центром. В 2019–2020 гг. имамы Касым Мусин и Рушан Камалетдинов организовали здесь курсы татарского языка, приглашали проводить межлисы, стараясь привлечь татар чаще посещать мечеть (К. Мусин, 1969 г.р.). Однако построенный комплекс зданий сформировал иное сообщество и открыл возможность для существенно более разнообразной деятельности, связанной с распространением исламских знаний, чем предполагали его строители.

Еще до открытия основного здания мечети коллективные намазы начали совершать в помещении хозяйственного блока. Это место стало первым публичным исламским пространством, признанным муниципалитетом г. Бор. Оно сразу же привлекло городских мусульман, в том числе приехавших из других регионов России — Дагестана и Чечни, а также выходцев из Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана. После открытия в 2015 г. основного здания число приходящих на коллективные намазы менее чем за пять лет возросло настолько, что оно перестало вмещать всех желающих. Это связано не только с увеличением числа практикующих мусульман в городе. Большое число людей, желающих принять участие в джума-намазе, говорит об усвоении сообществом идеи о ценности каждой мечети для получения максимального количества *саваба* (вознаграждения от Аллаха) во время проведения коллективных молитв. Таким образом, вновь созданное пространство позволило привлечь гораздо больше людей, чем входило в татарскую общину г. Бор. Новые люди сформировали костяк активистов обновленного мусульманского сообщества. Важно отметить, что из-за полиэтничного состава посетителей мечети основным языком общения внутри мусульманского сообщества оказался русский.

Строительство мечети потребовало решения других важных вопросов, касающихся организации жизни мусульманского сообщества. Например, сообществу необходимо приобрести статус юридического лица, чтобы оно могло стать субъектом отношений с органами государственной и муниципальной власти. Для этого в 2003 г. была зарегистрирована местная религиозная организация «Религиозное объединение мусульман города Бор Нижегородской области “Ихсан”» [Протокол № 1] (далее — МРОМ «Ихсан»). Ее учредителями стали активисты городской татарской общины, они избрали членов мутаваллиата и ревизионной комиссии [Протокол № 2]. В мечети появились предметы, сообщающие посетителям о том, что сама мечеть и мусульманское сообщество существуют в соответствии с действующим российским законодательством: на первом этаже у главного входа установлена информационная доска с прикрепленными к ней учредительными документами — уставом

МРОМ «Ихсан» и приказами ДУМНО, в чьем подчинении оно находится.

В 2007 г. начались занятия в мактабе при мечети. Мактаб г. Бор — филиал созданного ДУМНО единого регионального мактаба с центром в Нижнем Новгороде и другими филиалами в Дзержинске, Пильнинском и Краснооктябрьском районах Нижегородской области. Таким образом, локальное мусульманское сообщество «подключено» к региональной системе исламского образования, которая сформировалась после распада СССР. Мактаб в этой системе — первая ступень, закончившим четырехлетнюю программу для углубления полученных знаний предлагается продолжить обучение в медресе.

В созданном комплексе зданий мечети стали работать новые религиозные лидеры сообщества — имамы, получившие религиозное образование в России и Узбекистане в постсоветское время. Они пришли на смену прежнему лидеру, возглавлявшему сообщество 30 лет. Мечеть стала местом проведения коллективных ифтаров в месяц Рамадан (одним из ее «конкурентов» было кафе «Золотой лев», где собирались выходцы из Дагестана — И. Абдулатипов, 1986 г.р.), практик лечения (*рукъя*) через чтение Корана и вознесение дуа, джаназы, никяха, мавлида. Новые имамы ведут обучение осужденных из близлежащей исправительной колонии ФСИН — ИК-11 по программе мактаба [Корнилов, Орехов 2021].

Основной посыл этих видов деятельности, адресованный разным целевым группам и реализующийся на базе построенной мечети, — призыв вести мусульманский образ жизни и передача исламских знаний. Построенный материальный объект породил новые планы на будущее, заставил членов сообщества воображать его дальнейшее развитие, стимулировал использовать новые средства формирования мусульманской личности. Так появились планы строительства других объектов, направленных на поддержание мусульманского образа жизни и формирование личности мусульманина: детского сада, кампусов для медресе, спортзалов и др. Здание мечети, не запирающееся на ночь и доступное круглосуточно, дополненное другими материальными объектами, по мысли имама К. Мусина, может позиционироваться как объект религиозной инфраструктуры, служащий интересам не только местного мусульманского сообщества, но и каждого мусульманина, у которого он оказывается на пути. В таком случае мечеть становится проводником (или посредником) в процессе циркуляции исламских знаний, действующим на международном уровне, если учитывать потоки миграции и полиэтнический состав верующих, которые ее посещают (К. Мусин, 1969 г.р.).

В то же время татарское мусульманское сообщество сохранило верность практике проведения меджлисов в частных домах или заведениях общественного питания и в построенной мечети не составляет большинства. Информант, бывший в середине 2010-х гг. заместителем имама Борской соборной мечети, рассказывал, что татар-мусульман приглашали проводить меджлисы в здании мечети для наставления их в религии, однако такая практика не прижилась¹.

Была цель развить у них [татар-мусульман] исламские фундаментальные знания. У нас [имамов] была ответственность доводить до людей [информацию], что из себя представляет иман — вера, пятикратный намаз и так далее. В мечети была другая аура, поэтому мы иногда приглашали их [совершать поминальные меджлисы], чтобы они проводили их внутри здания мечети <...>. Мусульманин должен знать, что из себя представляет мечеть. Наша цель была привлечь их [татар-мусульман] на пятничные намазы. Поэтому мы старались привлечь их на джума-намаз, после пятничного намаза — на меджлис (Инф. 5, муж. 1978 г.р.).

Из объяснений информанта можно сделать вывод, что имамы мечети работали над повышением религиозной дисциплины членов сообщества, прежде всего татар. Однако лишь небольшая часть татар-мусульман стала регулярно посещать религиозные мероприятия в построенной ими мечети. Это может быть связано с тем, что в мечети, подконтрольной более молодым имамам, получившим исламское образование и стремившимся сплотить мусульман разных национальностей, не воспроизводились те обрядовые практики, виды коммуникации и статусные отношения, которые существовали в татарском сообществе.

Таким образом, татарское мусульманское сообщество, выступившее инфраструктурной основой для запуска проекта по строительству мечети, после ее открытия фактически утратило над ней контроль. Построенную мечеть наполнили мусульмане разных национальностей и возглавили новые имамы. Она превратилась в публичное пространство и источник исламского знания, доступный любому мусульманину.

¹ Это перекликается с теорией Мишеля де Серто о стратегиях «сильных» и сопротивлении «слабых» этим стратегиям на тактическом уровне [де Серто 2013: 110]. В мусульманском сообществе г. Бор «сильными», т.е. контролирующими, регламентирующими использование пространства мечети, предлагающими стратегии «правильного» исламского поведения, стали имамы ДУМНО, а «слабыми» — местные татары-мусульмане, а также прежние и новые мигранты. Часть «слабых» не стала посещать мечеть и стремилась отстоять самостоятельность в религиозных практиках на подконтрольных территориях — в собственных домах.

Заключение

В статье на основе использования таких концептов и понятий, как религиозная инфраструктура, локальное религиозное (мусульманское) сообщество и практики распространения исламских знаний, на этнографическом материале конкретного кейса, предлагается интерпретация того, как в 1930–2010-х гг. происходило изменение инфраструктур, поддерживающих передачу и циркуляцию исламских знаний. Инфраструктурой для проведения меджлисов — основных мероприятий, погружающих присутствующих в исламское пространство и время, до постройки мечети были частные дома и квартиры татар-мусульман, а также сеть контактов тех, кто организовывал эти мероприятия. После постройки мечети, нового материального инфраструктурного объекта, ее пространство стало формировать новое мусульманское полиэтничное сообщество и изменять практики передачи исламских знаний. Участникам сообщества пришлось решать обострившиеся вопросы распределения власти, определять новые нормы поведения и понимание того, каким должен быть ислам в новосозданных пространствах.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90013.

Список сокращений

ГОПАНО — Государственный общественно-политический архив Нижегородской области

ДУМНО — Духовное управление мусульман Нижегородской области и Нижнего Новгорода

МРОМ — местная религиозная организация мусульман

Архивные материалы

ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 3772. Протокол заседания секретариата Горьковского обкома КПСС № 32 от 22 июля 1975 г.

ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 18. Д. 271. Протокол заседания секретариата Горьковского обкома КПСС № 34 от 26 апреля 1988 г.

ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 18. Д. 273. Материалы к протоколам Бюро Горьковского обкома КПСС № 33–34.

Протокол собрания учредителей местной религиозной организации «Религиозное объединение мусульман города Бор Нижегородской области «Ихсан» № 1 от 27.06.2003. (МРОМ «Ихсан», г. Бор Нижегородской области).

Протокол собрания учредителей местной религиозной организации «Религиозное объединение мусульман города Бор Нижегородской

области «Ихсан» № 2 от 10.11.2003. (МРОМ «Ихсан», г. Бор Нижегородской области).

Источники

Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 315 с.

Сафаров М. «Меджлис» — не собрание, а образ жизни. Ритуальные трапезы советских мусульман: Онлайн-лекция // Youtube. 2021, 24 июня. <<https://www.youtube.com/watch?v=zJFxpSxSVPU>>.

Библиография

Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: Офорт, 2013. 408 с.

де Серто М. Изобретение повседневности. 1: Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Зарипов И.А., Сафаров М.А. Ахметзян Мустафин: из истории ислама в СССР. М.: Медина, 2017. 404 с.

Корнилов А.А., Орехов А.А. «Тюремное служение» имамов Духовного управления мусульман Нижегородской области в 2007–2021 гг. // *Minbar: Islamic Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 796–818. doi: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-796-818.

Мухетдинов Д.В. Азан над Волгой: к 100-летию открытия Нижегородской Соборной мечети и 25-летию ее возрождения. 3-е изд., испр. и доп. М.: Медина, 2015. 130 с.

Сафаров М.А. Повседневная жизнь московских мусульман в 1960–1980-х годах // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 4 (84). С. 139–148. <https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/84_nz_4_2012/article/18911/>.

Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей): к 75-летию пика политических репрессий. М.; Н. Новгород: Медина, 2013. 231 с.

Hoelzchen Y.M. Mosques as Religious Infrastructure: Muslim Selfhood, Moral Imaginaries and Everyday Sociality // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41. No. 2. P. 368–384. doi: 10.1080/02634937.2021.1979468.

Kirby B. Flags and Shields: Muslim Socialities and Informal Livelihoods in Dar es Salaam // *City & Society*. 2020. Vol. 32. No. 3. P. 556–578. doi: 10.1111/ciso.12353.

Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. 2013. Vol. 42. P. 327–343 p. doi: 10.1146/annurev-anthro-092412-155522.

Simone A. People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg // *Public Culture*. 2004. Vol. 16. No. 3. P. 407–429. doi: 10.1215/08992363-16-3-407.

The Evolution of Infrastructures and Practices for the Dissemination of Islamic Knowledge: The Case of the Muslim Community of the Town of Bor, Nizhny Novgorod Region

Alexander Orekhov

HSE University
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russia
Saov1612@yandex.ru

The paper investigates the process of the genesis and establishment of infrastructural ideas that contribute to the dissemination of Islamic knowledge in the local Muslim community in the town of Bor, Nizhny Novgorod region in the period of the 1930s — early 2020s. The author analyzes how the infrastructure affects the practices of spreading Islamic knowledge in the local Islamic community and how the local Muslim community changes in the period of creation of infrastructure. The paper focuses on exploring the infrastructures for spreading Islamic knowledge in the Soviet and post-Soviet periods of the community's life. The study is based on ethnographic material, interviews and archival materials, and presents how the creation of infrastructures changed the practices of spreading Islamic knowledge and the configuration of the local Muslim community. These changes exacerbated issues of power relations and the identifying of behaviour patterns within the community. Simultaneously new ideas were born within the community about community development, new infrastructure for disseminating Islamic knowledge and the formation of Muslim personalities. The Tatar community who initiated and organized the building of the Mosque has lost control over it, and it has become part of urban public space, a source of Islamic knowledge available to any Muslim in the town of Bor.

Keywords: Islam, Islamic knowledge, infrastructure, mosque, religious practices.

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 20-39-90013.

References

- de Certeau M., *L'invention du quotidien*. Paris: Gallimard, 1990, vol. 1: Arts de faire, 347 pp.
- Guseva Yu. N., *Rossiyskiy musulmanin v XX veke (na materialakh Srednego Povolzhya)* [The Russian Muslim in the 20th Century (On the Materials of the Middle Volga Region)]. Samara: Ofort, 2013, 408 pp. (In Russian).

- Hoelzchen Y. M., 'Mosques as Religious Infrastructure: Muslim Selfhood, Moral Imaginaries and Everyday Sociality', *Central Asian Survey*, 2022, vol. 41, no. 2, pp. 368–384. doi: 10.1080/02634937.2021.1979468.
- Kirby B., 'Flags and Shields: Muslim Socialities and Informal Livelihoods in Dar es Salaam', *City & Society*, 2020, vol. 32, no. 3, pp. 556–578. doi: 10.1111/ciso.12353.
- Kornilov A. A., Orekhov A. A., "'Tyuremnoe sluzhenie" imamov Dukhovnogo upravleniya musulman Nizhegorodskoy oblasti v 2007–2021 gg.' [Imams' Prison Service in Nizhny Novgorod Oblast in 2007–2021], *Minbar: Islamic Studies*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 796–818. doi: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-796-818. (In Russian).
- Larkin B., 'The Politics and Poetics of Infrastructure', *Annual Review of Anthropology*, 2013, vol. 42, pp. 327–343 p. doi: 10.1146/annurev-anthro-092412-155522.
- Mukhetdinov D. V., *Azan nad Volgoy: k 100-letiyu otkrytiya Nizhegorodskoy Sobornoy mecheti i 25-letiyu ee vozrozhdeniya* [The Adhān over the Volga: On the 100th Anniversary of the Opening of the Nizhny Novgorod Congregational Mosque and the 25th Anniversary of Its Revival], 3rd ed., rev. and exp. Moscow: Medina, 2015, 130 pp. (In Russian).
- Safarov M. A., 'Povsednevnyaya zhizn moskovskikh musulman v 1960–1980-kh godakh' [The Everyday Life of Moscow Muslims in the 1960s–1980s], *Neprikosnovennyy zapas*, 2012, no. 4 (84), pp. 139–148. <https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/84_nz_4_2012/article/18911/>. (In Russian).
- Senyutkina O. N., Guseva Yu. N., *Musulmane Srednego Povolzhya v tiskakh repressivnoy politiki sovetskoy vlasti (na materialakh Nizhegorodskoy i Samarskoy oblastey): k 75-letiyu pika politicheskikh repressiy* [Muslims of the Middle Volga Region in the Grip of the Soviet Repressive Policy (Based on the Materials of the Nizhny Novgorod and Samara Regions)]. Moscow; Nizhny Novgorod: Medina, 2013, 231 pp. (In Russian).
- Simone A., 'People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg', *Public Culture*, 2004, vol. 16, no. 3, pp. 407–429. doi: 10.1215/08992363-16-3-407.
- Zaripov I. A., Safarov M. A., *Akhmetzyan Mustafin: iz istorii islama v SSSR* [Akhmetzyan Mustafin: From the History of Islam in the USSR]. Moscow: Medina, 2017, 404 pp. (In Russian).